

HARLEQUIN®

060

*Джулия
Джастис*
**МАЙНА
МАДАМ ЛЕФЕВР**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Джулия Джастис
Тайна мадам Лефевр
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 60

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962669

Тайна мадам Лефевр: ЗАО Издательство Центрполиграф; М.; 2015

ISBN 978-5-227-05662-7

Аннотация

Уилл Рэнсли, незаконнорожденный племянник графа Суинфордского, наделен внешностью истинного аристократа и смекалкой выросшего в лондонских трущобах беспризорника. Стремясь помочь кузену восстановить доброе имя, Уилл отправляется в Вену. Его цель – отыскать Элоди Лефевр, женщину, заманившую Макса в ловушку и тем самым разрушившую его дипломатическую карьеру. Авантюрист по натуре, он решает вызволить соблазнительную француженку из-под надзора властей, доставить ее в министерство иностранных дел Англии и заставить давать показания. Во время путешествия, полного опасностей и приключений, Уиллу предстоит решить, кто же на самом деле прекрасная Элоди: коварная шпионка или леди, попавшая в беду?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	52
Глава 6	65
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джулия Джастис

Тайна мадам Лефевр

The Rake to Redeem Her

Copyright © 2013 by Janet Justiss

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Бартонское аббатство, конец весны 1816 года

– Бюсь об заклад, смогу найти ее.

Уилл Рэнсли принял из рук хозяина бокал бренди, с гневом думая о женщине, погубившей дипломатическую карьеру его кузена.

– С возвращением в Англию. – Алистер Рэнсли отсалютовал Уиллу бокалом, жестом приглашая сесть в кресло. – Не стану держать пари с «игроком Уиллом», который не сделал в своей жизни ни единой проигрышной ставки. Однако откуда такая уверенность, что ты сумеешь отыскать ее? Даже Макс со всеми его официальными контактами потерпел поражение.

– Я не питаю доверия к официальным лицам, – скривившись, ответил Уилл. – Они выдворили бы меня из страны за кражу краюхи хлеба.

– Тебя хорошо отмыли, временами я забываю о твоем висельном прошлом, – с усмешкой отозвался Алистер. – Интересно, где ее искать? Мадам Лефевр кузина и экономка Тьерри Сен-Арно, одного из самых преданных союзников герцога Талейрана во французской делегации Венского конгресса.

Это старинная уважаемая семья, хотя все они оказались на поверку бонапартистами.

– Возможно. Но среди горничных, камердинеров, поваров, грумов, служащих гостиниц, лакеев в Хофбурге, хозяев пивных всегда найдется кто-либо, точно знающий, что происходит на самом деле. Их помощью я и воспользуюсь, чтобы выследить мадам Лефевр.

– Когда я навещал Макса на ферме его жены, он уверял, что вполне доволен жизнью. – Алистер рассмеялся. – Заявил даже, что дрессировка лошадей сродни дипломатии, нужно убеждать, не принуждая. Правда, лошади не лгут, да и память у них короткая, потому не станут пенять вам ошибками прошлого.

– Как это похоже на Макса – выставять ситуацию в радужном свете. Но ведь все мы – ты, я, Дом – с детства знали, что ему суждено стать одним из ярчайших английских политиков, возможно, занять пост премьер-министра! Предпочел бы он разведение племенных жеребцов блестящей карьере в правительстве, будь у него действительно выбор? Верится с трудом.

– У меня тоже сначала были подозрения, – признался Алистер. – Чтобы Макс, этот ценитель красивых изысканных женщин, был счастлив в браке с маленькой серой мышкой, живущей в деревенской глуши Кента, не вращающейся в роскошном высшем лондонском обществе? Хотя в конце концов Кэро мне даже понравилась. В седле держится луч-

ше меня, как ни тяжело это признавать, разводит превосходных лошадей. Она действительно производит впечатление, можешь считать это похвалой, а тебе известно, что я невысокого мнения о женщинах.

Нахмурившись, он ненадолго замолчал.

«Он до сих пор не может забыть Дезире», – подумал Уилл, мысленно осыпая сотый раз адскими проклятиями женщину, расторгнувшую помолвку с Алистером и разбившую ему сердце.

Стоило вспомнить о женщине, навредившей одному из кузенов Рэнсли, как его гнев вспыхнул с новой силой.

– Чтобы Макс участвовал в заговоре с целью убийства Веллингтона? Сама эта мысль кажется мне нелепой, – продолжил он. – Я-то думал, его доблесть при Ватерлоо положила конец подобным измышлениям.

Алистер вздохнул:

– Горькая истина в том, что покушение в Вене сбило с толку как французов, которые в то время вели с австрийцами переговоры о союзнчестве, так и англичан, не сумевших вовремя обнаружить заговор. Теперь, когда Бонапарт сослан на Святую Елену, ни одна из сторон не желает ворошить былые скандалы.

– Неужели отец Макса ничего не может сделать? Он же много лет практически управляет палатой лордов.

– Граф Суинфордский предпочел не принимать сторону сына, не желая тем самым поколебать свое и без того расша-

танное из-за «ошибочных суждений» политическое положение, – сухо заметил Алистер.

– Значит, бросил его. Вот мерзавец! – Уилл разразился цветистым проклятием времен своего бродяжничества на улицах Лондона. – Как это похоже на моего дражайшего дядюшку, никогда не ставившего нужды семьи превыше своих политических устремлений! Я даже рад, что родился вне брака.

Алистер горестно покачал головой:

– Люди, организовавшие венский заговор, весьма неглупы, надо отдать им должное. Более верного способа, чем подсунуть Максу нуждающуюся в помощи женщину с целью добиться от него ответных действий, не существовало.

– Он всегда питал слабость к бедным и угнетенным, – согласился Уилл. – Прекрасным примером является то, как он помог мне. Нам нужно вернуть мадам Лефевр в Англию! Пусть повторит свою душещипательную сказочку, состряпанную для отсрочки встречи Макса с Веллингтоном, из-за чего тому пришлось ожидать в одиночестве! Это признание, несомненно, отведет от Макса подозрения, ведь ни один мужчина, именующий себя джентльменом, не смог бы отказать женщине в помощи. Будучи в Вене, он не сумел найти также и следа Сен-Арно, верно?

– Похоже, негодяй иммигрировал в Америку. Последовала ли мадам Лефевр за ним, неясно. Если ты намерен ее отыскать, предупреждаю, это будет нелегко. Со времени того

покушения минуло больше года.

Уилл пожал плечами:

– Покушение на человека, мобилизовавшего всю Европу на борьбу с Наполеоном, не скоро забудется!

Алистер раскрыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

– Что? – спросил Уилл.

– Только не набрасывайся на меня с негодованием. Достаточно ли у тебя средств, чтобы позволить себе подобную миссию? Денег, полученных после увольнения из армии, хватит еще на некоторое время, но не задумывался ли ты о какой-либо деятельности вместо того, чтобы сломя голову мчаться на континент в поисках мадам Лефевр? Если только граф исправился и?..

Алистер погрузился в молчание.

– Нет, граф этого не сделал. Ты же не ждешь, что наш дядя положит мне денежное содержание, правда?

– Ну, после того, как ты наскреб достаточно на покупку офицерского чина, он пообещал лично пристроить тебя впоследствии, как подобает истинному Рэнсли, если ты проявишь себя на военном поприще.

Уилл рассмеялся:

– Да уж, представляю! Полагаю, он ожидал, что меня либо убьют, либо с позором выгонят за недостойное поведение. Нет, я не намерен идти к нему, смиренно напоминая о его обещании. Не сотрясай зря воздух.

– Что же ты намерен делать?

– Есть несколько возможностей. Но прежде всего лично прослежу, чтобы Макса восстановили в прежней должности. У меня достаточно денег и для того, чтобы совершить путешествие и умаслить кое-кого, если понадобится.

– Я поеду с тобой. Как-никак разбойники Рэнсли друг друга в беде не бросают. – Алистер издал боевой клич кузенов.

– Нет, не поедешь. Подожди, выслушай меня, – сказал Уилл, предупреждая протест Алистера. – Если бы мне требовался лихо орудующий саблей гусар, твоя кандидатура была бы идеальной. Но для этого путешествия. – Осмотрев кузена с ног до головы, он усмехнулся. – Твой голос, манера поведения, даже походка выдают в тебе Алистера Рэнсли из Бартонского аббатства, племянника графа, состоятельного землевладельца. Я же человек неприметный, а тебя разоблачат в мгновение ока.

– Ты тоже племянник графа, – напомнил Алистер.

– Это так, однако благодаря тому, что мой отец обманул и бросил мою мать, незамужнюю и беременную, у меня преимущество. Шесть лет я учился выживать в лондонских трущобах и знаю, как действуют воры, головорезы и мошенники.

– Да, но это будут австрийские воры, головорезы и мошенники. А ты не говоришь по-немецки.

Уилл пожал плечами:

– Воровство везде воровство. Ты удивишься моим многочисленным талантам. После Ватерлоо я не просто слонялся по госпиталю, наблюдая за выздоровлением Дома. В армии мне нашли иное применение.

– Он ведь сейчас здоров, не так ли? – спросил Алистер, отвлекшись при упоминании четвертого кузена из славной компании разбойников Рэнсли. – Он поправился?

Уилл воскресил в памяти отрешенное выражение единственного глаза Дома.

– Доминика прозвали денди. Самый красивый мужчина в полку, превосходил всех в верховой езде и женщин умел очаровывать, как никто другой. – Уилл знал, что Дому придется учиться мириться с чем-то большим, чем физические увечья – обезображенное шрамами лицо и ампутированная рука – и потеря былой доблести. – Еще нет. Стоило благополучно доставить его в Англию, как он тут же заявил, что я слишком долго с ним нянчился, и выставил меня вон. Так что я могу без зазрения совести отправляться в Вену.

Алистер нахмурился:

– Мне по-прежнему не нравится твоя идея ехать туда в одиночку. Макс говорил, что власти в Вене настоятельно не рекомендовали ему расследовать случившееся. Помощи от них не дождешься, предприятие может оказаться опасным.

– Опасным? – Уилл встал с кресла и обошел комнату по кругу. – Помнишь первое лето, когда мы все вместе жили в Суинфордском поместье? – неожиданно спросил он, гля-

дя на Алистера. — Адвокат, нашедший меня в трущобах Севен-Диалз, доставил меня к графу. А тот, удостоверившись, что я действительно сын его брата, сослал меня в деревню, наказав тебе, Макс и Дому сделать из меня человека. Я был весьма непопулярным.

Алистер рассмеялся:

— Это еще мягко сказано! Угрюмый, немытый, клянуший окружающих на чем свет стоит.

— Две недели спустя вы с Домом готовы были утопить меня в озере. Только Макс не сдавался. Однажды ночью он подловил меня на конюшне, хотя я перепробовал все известные грязные ухищрения, и всыпал мне по первое число, а потом спокойно заявил, что мне нужно изменить поведение. Я его кузен и, кроме того, Рэнсли, поэтому от меня ждут соответствующей манеры держать себя. Я ничем не облегчал ему задачу, но он продолжал наставлять и уговаривать меня, пока не убедил, что у джентльмена преимуществ больше, чем у предводителя воров в трущобах. Макс понимал: если в конце лета граф не заметит во мне перемен, вышвырнет обратно на улицу, невзирая на родственные узы.

Уилл смотрел в окно, но видел не зеленые пастбища Бартонского аббатства, а узкие зловонные улочки Севен-Диалз.

— В этом случае я сейчас, вероятно, был бы мертв. Словом, я в долгу перед Максом за то, что он сохранил мне жизнь, подарил преданных друзей и кузенов, о которых можно только мечтать. Клянусь честью, не смогу спокойно жить до тех

пор, пока не верну ему доброе имя. Тогда он, если, конечно, захочет, сможет стать великим политическим лидером. Мы-то знаем, каково его предназначение.

Задумчиво посмотрев на него, Алистер кивнул:

– Хорошо. Если я могу чем-то помочь, просто дай знать, договорились? Если бы Макс не отправил тебя и Дома вслед за мной в армию, меня, возможно, тоже уже не было бы в живых. Многие месяцы после того, как Де... – Он запнулся, осознав, что едва не произнес вслух запретное имя. – В общем, мне было все равно, жив я или умер.

Уилл подумал, что Алистеру до сих пор временами на это плевать.

– Мне может потребоваться помощь, чтобы добиться от властей разрешения на ввоз в Англию этой треклятой девки.

– Она, вполне вероятно, не захочет возвращаться. Ведь если ее признают шпионкой, здесь ее ждет виселица.

– Я умею быть убедительным.

Алистер засмеялся:

– Не желаю знать подробности. Когда ты намерен ехать?

– Завтра.

– Но ведь ты только вернулся! Мама ожидает, что ты проведешь хотя бы неделю, да и Макс захочет увидеться с тобой.

Уилл отрицательно покачал головой:

– Твоя мама очень добра. А Макс лишь попытается отговорить меня от этой затеи. Будет лучше, если я не стану видаться с ним, пока... в общем, пока дело не будет сделано.

Если он спросит, скажи, что я задержался на континенте по долгу службы. Кроме того, ты прав, с момента покушения прошло больше года. Нет смысла ждать, пока воспоминания людей померкнут еще сильнее.

– Держи меня в курсе. Помни, чтобы прийти тебе на выручку, мне потребуется время.

– Сегодня вечером спасти меня нужно разве что от чрезмерного потребления бренди. Да и это маловероятно, уж больно ты прижимист на этот счет.

Алистер со смехом взял бутылку и снова наполнил бокалы.

– За разбойников Рэнсли! – провозгласил он.

– За разбойников, – эхом отозвался Уилл.

Глава 2

Вена, Австрия, шесть недель спустя

Элоди Лефевр передвинула стул так, чтобы оказаться в луче послеполуденного солнечного света, струящегося через окно. Принимаясь за рукоделие, она с наслаждением вдохнула нежный аромат поздних нарциссов, которые собственноручно посадила прошлой осенью в крошечном садике на заднем дворе. Тонкую нотку к этому благоуханию добавляли фиалки.

Она замерла на мгновение, позволяя красоте и спокойствию окутать душу, смягчая дремлющее беспокойство, готовое пробудиться в любой момент. К вечеру вышивка будет закончена, а к ужину придет Клара с очередным заказом на рукоделие и врученными за работу деньгами.

Элоди сумела выжить вопреки трудностям. Невзирая на постоянное, настойчиво гложущее стремление вернуться в Париж, убеждала себя потерпеть и продолжать работу, пополняя медленно растущий запас монет. Возможно, к концу года она накопит достаточно денег, чтобы возвратиться и разыскать Филиппа.

Стоило лишь воскресить в сознании любимый образ –

черные кудри, падающие на лоб до самых бровей, вопрошающие умные глаза – как ее тут же затопила волна томления. Интересно, он по-прежнему в Париже? Изменился ли за полтора года с момента ее отъезда? Узнает ли он ее? Она мельком посмотрелась в зеркало, висящее на стене напротив. После долгого выздоровления она, конечно, похудела, раны ее не были видны, за исключением, пожалуй, искривленных пальцев. Взгляд затуманился, из-за долгих часов пребывания в помещении некогда сияющие каштановые волосы поблекли, но в остальном облик остался прежним.

Внезапно легкое ли колебание воздуха или проблеск света привлекли ее внимание. Всегда настороже, Элоди, поведя одними глазами, обнаружила источник, почти неуловимое движение в верхнем углу зеркала, отражающего и ее образ, и окно, выходящее на задний двор.

Едва дыша, она слегка повернула голову вправо. На узком балкончике под окном определенно кто-то находился. Мужчина, бесшумно наблюдающий за ней, полускрытый за увитой вьюнком стеной. Виднелись лишь его глаза. Если бы Элоди не посмотрела в зеркало в этот момент, даже не заметила бы, как он оказался на балконе.

Незнакомец, судя по положению головы, был очень высок и явно проворен, коль скоро сумел вскарабкаться по стене совершенно бесшумно. Элоди не могла определить, худощав он или крепкого телосложения, имеет ли при себе оружие.

Но эти сведения в любом случае не помогли бы. Ножницы

были единственным орудием обороны, имеющимся сейчас в ее распоряжении, маленький пистолет хранился в ридикуле в платяном шкафу, а нож – в ящике прикроватного столика.

Время шло, но незнакомец по-прежнему оставался неподвижным, и Элоди, долго сдерживая дыхание, выдохнула. В ярком послеполуденном свете он отчетливо видел, что она одна в комнате. Если бы он намеревался напасть на нее, давно бы это сделал.

Кто же он? Уж точно не один из тех, кто ведет наблюдение за домом с тех пор, как Клара поселила ее здесь. Никто ее не беспокоил со времен неудавшегося покушения, очевидно считая фигурой слишком незначительной, неинтересной, особенно после того, как Наполеон был сослан на Святую Елену, что положило конец мечтам о Французской империи.

Еще несколько секунд Элоди не сводила глаз с зеркала. Хотя она и была почти уверена, что незнакомец не намерен нападать на нее, напряженные нервы и закипающий гнев заставили ее заговорить.

– Месье, раз уж не собираетесь стрелять в меня, зайдите и сообщите, что вам угодно.

Наблюдающие за ней глаза расширились от удивления, затем незнакомец плавным движением запрыгнул в окно и предстал перед ней. Отвесив церемонный поклон, произнес:

– Мадам Лефевр, полагаю?

Элоди затаила дыхание, впечатленная его мужественной силой. Тот выпрямился над ней во весь рост. Если он заду-

мал причинить ей вред, она в большой опасности. Должно быть, англичанин, ведь только у представителей этой нации походка столь высокомерна, будто весь мир принадлежит им по праву рождения. Он возвышался над ней, худощавый и внушительный. Несомненно, в его руках и плечах недюжинная сила, позволившая с легкостью забраться на балкон, а далее в ее комнату.

Одежда незнакомца была совершенно непримечательной. Плохо сидящие сюртук и бриджи, потертые сапоги из тех, что носят многочисленные торговцы и клерки, населяющие огромный город. Но черты его лица, точеные скулы, нос с легкой горбинкой, чувственные губы и красивые бирюзовые глаза с первого взгляда привлекли бы внимание любой женщины, включая ее саму. Она так увлеклась, что забыла о потенциальной угрозе.

Отмечая ее пристальное к себе внимание, он улыбнулся. В иных обстоятельствах она сочла бы эту улыбку смущающей, если бы не настойчивое ощущение *déjà-vu*¹.

– Я вас знаю? – спросила она, пытаясь понять, отчего его лицо кажется ей таким знакомым. – Мы встречались прежде?

Улыбка незнакомца погасла, взгляд сделался ледяным.

– Нет, мадам. Со мной вы незнакомы, хотя, как мне кажется, должны хорошо знать моего родственника, Макса Рэнсли.

¹ Уже виденное (*фр.*).

Макс. Перед мысленным взором Элоди тут же промелькнул его образ. Такой же высокий рост, крепкое телосложение, вьющиеся золотистые волосы, голубые глаза. Аура властности вкупе с добротой и галантностью тогда покорила ее сердце, а сейчас заставила его мучительно сжаться при воспоминании об этом человеке.

Послеполуденное солнце придавало светлым волосам мужчины рыжеватый оттенок, правда, глаза не голубые, тем не менее они с Максом удивительно похожи.

– Вы брат Макса?

– Я его кузен. Уилл Рэнсли.

– Он здоров, полагаю? Мне было очень жаль оказать ему... дурную услугу. Я надеялась, что с бегством Наполеона с Эльбы вскоре после венских событий карьера Макса не слишком сильно пострадала.

Уилл насмешливо вздернул бровь, и Элоди тут же позабыла о своей мимолетной симпатии к нему, снова насторожилась. Нет, этот мужчина явился не с добром.

– С прискорбием сообщая: вашим надеждам не суждено сбыться. Будучи кузиной дипломата, вы не можете не знать, что эти, как вы выразились, «события», едва не убившие герцога Веллингтона, разрушили карьеру Макса. Его выслали с позором, и лишь переломный момент в войне подарил ему шанс восстановить доброе имя на поле битвы.

– Насколько мне известно, битва при Ватерлоо была весьма кровопролитной.

– Именно. Но даже выказанной в бою доблести недостаточно, чтобы спасти карьеру, подорванную знакомством с вами.

– Мне жаль это слышать.

Элоди говорила искренне. Однако вспомнив, что стояло на кону, вынуждена была признать, что и второй раз поступила бы точно так же.

– Ах, вам жаль? Как мило! – язвительно воскликнул он.

В ней снова пробудился гнев к мужчинам, использующим женщин в качестве пешек для достижения собственных целей, и к извечной женской беспомощности. Какое ей дело, поверил или нет ей этот человек? Она не доставит ему удовольствия оправданиями.

Видя, что мадам Лефевр хранит молчание, Уилл произнес:

– Тогда вам понравится то, с чем я пришел. Я намерен дать вам шанс все исправить. Вы, судя по всему, в богатстве не купаетесь. – Он обвел рукой маленькую комнату с обшарпанной мебелью и потертым ковром на полу. – Не вижу причин, препятствующих вам немедленно отправиться в Англию.

– В Англию? – эхом повторила она, удивленная. – Зачем бы мне это делать?

– Я намерен доставить вас в Лондон, в министерство иностранных дел. Там вы расскажете, как заманили моего кузена в ловушку, сыграв на его джентльменских чувствах. Под-

твердите, что он не замешан в покушении на Веллингтона и винить в случившемся нужно только разведку, задача которой – предотвращать подобные вещи.

В голове Элоди кружился водоворот мыслей, пока она обдумывала его предложение. В душе забрезжил лучик надежды. От Лондона, куда она могла бы отправиться с этим явно состоятельным мужчиной, рукой подать до Парижа, причем немедленно, а не будущей осенью и не через год, – раньше совершить это путешествие не позволяли слишком медленно растущие финансы.

С другой стороны, даже с Людовиком на французском троне и официально объявленным перемирием между двумя нациями в Англии ее положение французской подданной очень шатко. Признав свое участие в заговоре с целью убийства величайшего английского героя лорда Веллингтона, спасителя Европы, одержавшего победу при Ватерлоо, она может угодить за решетку или даже быть повешена. Если не ускользнет от Рэнсли по дороге. Он, скорее всего, будет настаивать на возвращении по морю, что значительно затруднит побег. С другой стороны...

– Я соглашусь поехать с вами в случае, если прежде мы сделаем остановку в Париже.

Париж – город, который Элоди знала как свои пять пальцев. Стоит Рэнсли отвлечься хоть на мгновение, она затеряется в сложном переплетении средневековых улочек, и он никогда ее не найдет. И тогда, выждав безопасное время, она

примется искать Филиппа.

Уилл демонстративно обвел взглядом комнату, всем своим видом кричащую, что у хозяйки нет ни лакея, ни горничной.

– Вы не вправе диктовать свои условия. Да и посещение Парижа меня совершенно не интересует.

– Какая ужасная ошибка, месье Рэнсли. Это красивейший город.

– Так и есть, но в настоящее время мне нет до него никакого дела.

Она пожала плечами:

– Вам, возможно, в отличие от меня. Если мы прежде не заедем в Париж, я останусь здесь.

Его глаза потемнели от скрытой угрозы.

– Я могу вас принудить.

Она согласно кивнула:

– Полагаю, вы в состоянии накачать меня снотворным, заткнуть рот кляпом, связать и доставить на борт судна, отплывающего в Триест. Но ничто не сможет заставить меня дать английским властям опровержение, которого вы так жаждете, до тех пор пока я сама этого не захочу.

Ярость вспыхнула в синих глазах Уилла, челюсти крепко сжались. Не вызывает сомнений, что дипломатическая карьера кузена погублена из-за этой женщины. Равно как и у нее не было иного выбора, кроме как вовлечь Макса в заговор.

– Я мог бы просто прикончить вас прямо сейчас, – прошептал он, сокращая расстояние между ними. – Забрал бы вашу жизнь в обмен на ту, которую вы загубили. – Он положил руки ей на шею.

Элоди замерла. Сердце тревожно забилося. Неужели она столько пережила для того лишь, чтобы бесславно умереть? Теплые ладони Рэнсли очень крупные и, несомненно, сильные, одно быстрое движение – и все кончено.

Несмотря на его враждебность, Элоди с каждой секундой все крепче утверждалась в мысли, что он не намерен причинять ей вред.

Кое-как совладав со страхом и восстановив внешнее спокойствие, она вцепилась в его запястья. К величайшему облегчению, он позволил ей убрать руки с шеи, подтвердив истинность ее умозаключений.

– Сначала Париж, потом Лондон. Я подожду в саду, пока вы примете решение.

Хотя ее сердце бешено колотилось и кружилась голова, она заставила себя спокойно встать и не спеша пересечь комнату по направлению к двери. Она ни за что не станет демонстрировать этому мужчине собственную уязвимость. Никогда больше никто не заставит ее испытывать страх. Да и отчего бы? Ей больше нечего терять.

Оказавшись на лестнице, где Уилл Рэнсли не мог ее видеть, она с силой вцепилась в перила, чтобы не упасть. Через заднюю дверь вышла в сад и, спотыкаясь, побрела к ска-

мье. Дрожащими пальцами ухватилась за ее край, села, жадно втягивая ртом воздух, напоенный ароматами нарциссов.

Прищурившись, Уилл наблюдал за тем, как Элоди Лефевр со спокойной грацией идет через комнату и скрывается за дверью.

Проклятье! Она оказалась совсем не такой, как он себе представлял.

Прибыв в Вену, он ожидал встретить соблазнительную сирену, торгующую красотой, одновременно строящую из себя святошу. Такой женщине было по силам обмануть Макса, вызывая к его благородству.

Элоди Лефевр, несомненно, красива, но особой, сдержанной красотой. Скромно одетая, по своему обыкновению держится в тени, не привлекает внимания модных аристократичных господ, порхающих экзотическими мотыльками по бальным залам и салонам Венского конгресса.

Надо отдать ей должное, она наделена мужеством. После первого испуганного вздоха ничем не выдала страха, когда он сдал ей горло.

Разумеется, он не собирался причинять ей вред, лишь надеялся, что гнев и угроза физической расправы заставят ее запаниковать и капитулировать до того, как прибудет подкрепление. Если таковое у нее вообще имелось.

Уилл нахмурился. Целый месяц тщательных, терпеливых поисков ушел на то, чтобы обнаружить женщину, которая

только что хладнокровно удалилась в сад. Чем ближе он к ней подбирался, тем более озадаченным становился. Такое впечатление, что к ней каждый день врываются незнакомцы, угрожающие расправой.

Возможно, так и есть. Не услышав от нее подтверждения, что она и есть Элоди Лефевр, он ни за что бы в это не поверил.

Что заставило кузину состоятельного дипломата ютиться в обшарпанных комнатах в одном из затхлых районов Вены? Отчего она живет здесь одна? По сведениям хозяйки дома, у мадам Лефевр нет даже горничной. Почему она зарабатывает себе на жизнь вышивкой для популярной модистки, которую прежде посещала в качестве клиентки?

При этом он не мог отрицать собранные по кусочкам и связанные воедино сведения, полученные от горничных, носильщиков, управляющих гостиницами, уличных торговцев, швей, купцов и поставщиков тканей. Мадам Лефевр действительно проделала путь от элегантных апартаментов в отеле, где жила, будучи экономкой у Сен-Арно, до скромных комнат на задворках Вены.

Сен-Арно исчез в ночь неудавшегося покушения. Уилл никак не мог взять в толк, как мужчина, наделенный проницательным умом, способным придумать такую схему, не позаботился о безопасности собственной кухни.

А как она почувствовала присутствие Уилла на балконе? Он точно знал, что бесшумно вскарабкался по внутренней

стене дома к ее балкону. Либо она чрезвычайно прозорлива, либо он напрочь лишился хватки. В последнем он сомневался.

Настороженность мадам Лефевр впечатлила его больше, чем мужество, породив в душе невольное восхищение.

Менее всего он хотел испытать определенную реакцию в тот момент, когда обхватил ладонями ее шею. Нежная кожа и едва уловимый аромат лаванды, дразнящий обоняние, вызвали в нем яростный прилив желания, столь же неожиданный и мощный, что и ее резко учатившийся пульс под его пальцами.

Влечение стало непредвиденным затруднением, в котором он совершенно не нуждался, ему требовались ответы на многочисленные вопросы касательно ее. Например, зачем ей столь отчаянно надо попасть в Париж?

Быстрый осмотр комнаты ничего не дал. Безликая мебель, принадлежности для рукоделия и несколько предметов первой необходимости могли быть чьими угодно. Не нашлось ничего, что послужило бы ключом к разгадке характера женщины, прожившей здесь, как выяснил Уилл, больше года. И все это время в одиночестве. Лишь бывшая горничная время от времени навещала ее.

Оставалось задать эти вопросы ей, хотя он и подозревал, что свои тайны она оберегает с таким же рвением, с каким ловила незваных гостей.

Уилл понял: для достижения цели необходимо овладеть и

секретами этой женщины, и ею самой, и, развернувшись на каблуках, поспешил в сад.

Глава 3

Уилл застал мадам Лефевр за сбором увядших соцветий лаванды, высаженных по периметру главной клумбы с высокими желтыми цветами.

Заслышав его шаги, она обернулась через плечо:

– Итак?

Он ждал, но она ничего больше не добавила – ни мольбы, ни объяснения, ни просьбы. Его снова поразило ее спокойствие, граничащее с неподвижностью и приправленное легкой ноткой меланхолии.

Воины, ожидающие начала сражения, позавидовали бы такому самообладанию. Или она не осознает, сколь непрочно ее положение?

– Для женщины, чья жизнь в опасности, вы кажетесь на удивление спокойной.

Она пожала плечами:

– Ничто из сказанного или сделанного мной не изменит принятого вами решения. Если вы намерены убить меня, я недостаточно сильна и искусна, чтобы помешать вам. А заискивать или умолять кажется мне недостойным. Если уж суждено умереть, последние мгновения жизни я хочу провести, наслаждаясь красотой своего сада.

Значит, она понимает серьезность своего положения. И при этом остается невозмутимой.

Будучи человеком, зарабатывающим деньги за счет собственной смекалки, Уилл играл в карты с профессионалами, которые бровью не поведут, приди или нет к ним выигрывающая карта. Мадам Лефевр могла бы с честью сразиться с лучшими мастерами. Никогда еще он не встречал женщину с таким непроницаемым выражением лица. Она была подобна головоломке. Чем больше он о ней узнавал, тем сильнее становилось желание сложить все разрозненные части вместе.

Уилл не спешил отвечать, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Да, сад очень красив и безмятежен, и желтые цветы такие ароматные. Вы сами все здесь посадили?

Элоди вскинула бровь, будто недоумевая, отчего это он от угроз перешел к цветам.

– Вы имеете в виду нарциссы? – отозвалась она, внимательно глядя на него. На ее губах появилась легкая усмешка. – Вы выросли в городе, месье Рэнсли, не правда ли?

– Эти цветы всем известны, да? – сказал он, неохотно улыбаясь. – Верно, я городской парень, а вот вы, судя по всему, родом из деревни.

– Прекрасные цветы можно найти повсюду, – возразила она.

– Вы хорошо изъясняетесь по-английски, акцент едва заметен. Где учили язык?

Она небрежно махнула рукой:

– Последние несколько лет на нем говорят везде.

Из ее нежелания раскрыть правду Уилл заключил, что она

выросла в деревне, возможно, в поместье со сведущим садовником и английской гувернанткой.

– А как вы стали экономкой кузена?

– Он так и не женился, а у дипломата его уровня множество социальных обязанностей.

Удивленный тем, что на этот раз добился прямого ответа, Уилл напористо продолжал:

– После отъезда из Вены он перестал нуждаться в ваших услугах?

– Мужчины любят перемены. Итак, месье, принимаете вы мое предложение или нет?

«Ага», – обрадованно подумал Уилл. Хотя мадам Лефевр ничем не выдала тревоги, не совершала беспокойных движений и не теребила нервными пальцами оборку платья, резкое возвращение к цели разговора убедило его, что она вовсе не так хладнокровна, как хочет казаться.

– Да, – ответил он, повинуясь моменту. Согласиться с требованиями представлялось ему делом весьма важным. Будет гораздо проще увезти ее из Вены, если она последует с ним по доброй воле.

Однако его удивляла ее готовность ехать на любых условиях. Если только...

– Даже не думайте, что сможете сбежать от меня в Париже, – предупредил он. – Там мы будем неразлучны, как корка неотделима от мякиша.

– Ах, свежий французский багет! Жду не дождусь, когда

смогу его снова отведать!

Мадам Лефевр облизала губы, заставив чресла Уилла мучительно напрячься. Должно быть, реакция отразилась на его лице, судя по тому, как расширились глаза мадам, а на губах появилась понимающая улыбка.

Уилл рассерженно подумал о том, что над реакцией собственного тела он не властен, а действия мог бы контролировать и лучше. Соблазнителем в этой игре выступит он, да и то если и когда захочет.

– Как же получилось, что кузина Тьерри Сен-Арно оказалась в полном одиночестве? – спросил он, намереваясь вернуть разговор в нужное русло. – Почему он не взял вас с собой, когда бежал из Вены?

– Для кузена не было задачи важнее восстановления Наполеона на французском троне. Когда его попытка провалилась, он думал только о том, как бы ускользнуть, прежде чем австрийские власти узнают о его причастности к заговору, ведь в таком случае он был волен строить новые планы. Я была ему больше не нужна, он бросил меня.

Уилл подумал, что у Сен-Арно преданности семье не больше, чем у его собственного дяди. Но все же, каким бы погруженным в себя граф ни казался, если кто-то из Рэнсли попадал в беду, неизменно оказывал содействие. Каким же нужно быть человеком, чтобы не помочь собственной кузине? Отодвинув этот вопрос в сторону, Уилл задал другой:

– А вы столь же рьяно желали вновь увидеть Наполеона

императором?

– Чтобы смыть с лица Франции пятно аристократии, Наполеон пролил кровь своих подданных, а потом создал собственную элиту. О политике мне известно лишь то, что за войнами императора последовала гильотина. Поля сражений в Европе так напоены кровью, что еще нескоро просохнут.

– Зачем вы помогали Сен-Арно?

– Думаете, он оставил мне выбор?

Уилл удивленно воззрился на нее, прикидывая в уме вероятности. Она прямо встретила его оценивающий взгляд, щеки слегка порозовели.

Мужчина, бросивший кузину, вероятно, не слишком разборчив в средствах, склоняя к сотрудничеству. Неужели он ее бил?

Не успел он об этом подумать, как она, будто прочтя его мысли, потупилась и спрятала левую руку в складках юбки.

Терзаемый неприятными подозрениями, Уилл шагнул к ней и взял за запястье. Она заупрямилась, тем не менее показала ладонь.

Два пальца оказались слегка изогнутыми, костяшки – до сих пор припухшими, как если бы кости были сломаны, а потом плохо срослись.

– Пример того, каким убедительным мог быть ваш кузен? – грубо воскликнул он с отвращением. Мужчина, который бил женщину, не заслуживал даже презрения.

Мадам Лефевр вырвала руку, потирая запястье:

– Это несчастный случай, месье.

Уилл никак не мог взять в толк, зачем ей выгораживать Сен-Арно, если он сначала силой вынудил ее помогать ему, а затем и вовсе бросил на произвол судьбы. Еще менее нравилось зашевелившееся в душе сочувствие к этой женщине. Каковы бы ни были причины, она погубила карьеру Макса.

– Хотите заставить меня поверить, что вы действительно были невинной пешкой в игре Сен-Арно?

Она сладко улыбнулась:

– Точно так же, как и вы намерены теперь воспользоваться мной для достижения своих целей?

Ее слова и уязвили, и раззадорили его. Чума ее разбери, он ведь не является ее кровным родственником, ответственным за безопасность и благополучие! Если он ею и воспользуется, то только потому, что, заманив Макса в ловушку, она не заслуживает иного обращения.

– Почему вам так важно попасть в Париж?

– По семейному вопросу. Вы, проделавший столь долгий путь ради кузена, не можете этого не понять. Отвезите меня в Париж, а потом я поеду с вами в Англию. В противном случае я вообще никуда не поеду, к каким бы способам убеждения вы ни прибегли.

Уилл посмотрел в ее глаза, пытаясь оценить степень ее упрямства. Она правильно заметила: он не сможет ни силой, ни угрозами добиться от нее признания. Даже намек на принуждение поставит ее слова под сомнение.

Он надеялся, что сумеет по пути обмануть или очаровать ее настолько, чтобы она отказалась от своей затеи. Если же не удастся, придется-таки ехать в Париж.

Уилл всегда верил в значимость долгосрочной стратегии, но в данном случае важно правильно разыграть следующую карту. Прежде всего – вывезти мадам Лефевр из Вены.

– Не похоже, что сборы займут у вас много времени. Я бы хотел выехать через два дня.

– И как вы намереваетесь меня похитить? До сих пор соглядатаи меня не беспокоили, правда, я не пыталась покинуть город.

Выпив по кружке с хозяином пивной, расположенной на углу, Уилл узнал, что за домом мадам ведется наблюдение, но не ожидал, что это не секрет для нее самой, ведь она прежде всего обычная женщина, а уж потом кузина дипломата. И снова в его душе зашевелилось удивление и невольное восхищение.

– Так вы знали о том, что за вами следят?

Она окинула его раздраженным взглядом, будто он принимал ее за полную идиотку:

– *Bien sûr*², знала! Но, справедливо рассудив, что я не представляю опасности, они лишь наблюдали за мной, не предпринимая иных действий. Теперь я достаточно оправилась, чтобы... – Запнувшись на мгновение, она продолжила: – В общем, за мной всегда следили.

² Конечно, разумеется (*фр.*).

«Достаточно оправилась».

– Вам известно, что это за люди?

– Австрийцы, полагаю. Клара заигрывала с некоторыми из них. По их речи я догадалась, что они из местных, не англичане и не французы. Талейрану незачем прибегать к помощи своих агентов, когда он может узнать все, что требуется, от самих австрийцев.

Уилл согласно кивнул. Мадам Лефевр подтверждала слова трактирщика. От отслуживших в армии местных жителей, нанятых правительством, ускользнуть будет проще, чем от профессионалов, состоящих на службе в министерстве иностранных дел. Два дня, отведенные ей для сбора вещей, он потратит на тщательное изучение распорядка ее соглашения, выберет наиболее подходящее время, чтобы сбежать вместе с ней, – на случай, если власти воспротивятся ее отъезду.

– Ожидаете, что я расплачусь с хозяйкой и выйду из парадной двери с саквояжем в руке? – ворвался в его мысли голос мадам Лефевр.

– А вы предпочли бы выбираться в полночь через окно? – насмешливо парировал он.

– Но вы-то попали сюда через балкон. На мой взгляд, разумно предвосхитить действия противника. Я, вероятно, должна замаскироваться, чтобы ни хозяйка, ни стражники на углу не догадались, что я намерена бежать.

Пора бы уже привыкнуть и не удивляться ничему из сказанного ею, но его брови вопросительно поползли вверх.

– Замаскироваться и бежать? Хорошенькое образование дают французы экономкам своих дипломатов!

– Франция ведет войну дольше, чем мы с вами живем на свете, месье, – выпалила она. – Поэтому люди из всех слоев общества научились трюкам, помогающим выжить.

Уж она-то точно усвоила эти важные уроки. Иначе как сумела бы выжить в столице иностранного государства после того, как ее бросил кузен?

– Что вы предлагаете?

– Покинуть дом ближе к вечеру, когда на улицах полно транспорта. Уличные торговцы и пешеходы отвлекут внимание соглядатаев, притупят бдительность. Вы можете встретиться с моей подругой Кларой на почтовом постоялом дворе неподалеку. Принесите мужскую одежду, которую она спрячет в корзине под рукоделием. Вы с ней поднимитесь ко мне. Если встретите хозяйку, пусть Клара скажет, что вы ее брат. Потом выберетесь через балкон, а я, переодевшись мужчиной, выйду вместе с Кларой.

Ее предложение было таким нелепым, что Уилл с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Я-то без проблем выберусь через балкон, но вы? Неужели в самом деле рассчитываете сойти за мужчину?

– Для женщины я довольно высокая. Если не столкнусь лицом к лицу с фрау Гройнер, которая хорошо меня знает, план может сработать. Она, кстати, почти всегда отдыхает во второй половине дня между двумя и четырьмя часами. Ну а

согладатаи на углу, если вообще обратят внимание, увидят, что Клара выходит из дома с мужчиной, с которым пришла. Оказавшись вне зоны их досягаемости, я препоручу себя в ваши руки.

Заинтригованный тягой мадам к маскировке, Уилл был вынужден признать, что ее план не так уж и плох.

– Возможно, ваша затея сработает. Если, конечно, сумеете пройти в мужской одежде, не выдав себя с головой.

Мадам Лефевр угрюмо усмехнулась:

– Мои таланты вас еще удивят. Меня действительно беспокоит лишь ваше продолжительное пребывание в этом районе. Вы весьма видный мужчина, привлекающий внимание.

– Бойтесь, не сумею уйти незамеченным, если захочу?

– Одежда не соответствует внешности, месье. – Окинув его взглядом с ног до головы, она сосредоточилась на лице. – И ваши золотистые волосы, и черты лица слишком приметны.

Как мужчина, Уилл не мог не обрадоваться тому, что она находит его столь примечательным. Глядя ей в глаза и слегка улыбаясь, он ощутил пульсацию мощной чувственной энергии, как если бы мадам коснулась его. По сорвавшемуся с ее губ вздоху и расширившимся глазам он понял: она это тоже чувствует.

Черт подери. Немедленно возникшее влечение очень некстати, однако, если ему удалось пробудить и в ней ответную страсть...

Это, несомненно, все усложнит. С другой стороны, пусть тело и изменяет, но, если держать разум под контролем и сосредоточится на цели, впоследствии можно и воспользоваться обоюдным влечением. Соблазнение мадам для достижения целей может оказаться куда более приятным, чем прямое принуждение. Отогнав эту мысль, он заставил себя отвернуться, разорвав возникшую между ними связь.

– Я и сам большой мастак по части переодеваний, поэтому стану сопровождать вашу подругу в качестве старого дядюшки, который носит очки, к тому же и хромает. Подагра, знаете ли.

Мадам Лефевр изучала его, склонив голову:

– Вы действительно кузен Макса?

Уилл не мог винить ее в скептицизме, как не мог вообразить Макса забирающимся через балкон в комнату к женщине или выдающим себя за старика.

– Я незаконнорожденный сын, честно заслуживший свою сомнительную репутацию.

– А, понимаю. Что ж, хорошо. Через два дня Клара встретится с вами в три часа пополудни в «Жаворонке и плуге», что на Дюссельдорферштрассе, будет ожидать согбенного пожилого человека в очках и с тростью. – С этими словами мадам Лефевр протянула ему руку.

– Честь в среде воров? – Удивленный таким поворотом, Уилл взял ее ладонь, намереваясь пожать, и ощутил мощную искру, проскочившую между их пальцами.

Покраснев, она отдернула руку. Уилл, больше не обращающий внимания на напряженность у себя между ног, подумал, что соблазнение этой женщины – дело скорее приятное, чем достойное раскаяния.

– Значит, в три часа. – Она кивнула и направилась к дому. Он добавил: – Имейте в виду, мадам, я наблюдаю за вами. И если вам нанесет визит какой-нибудь высокий молодой человек, подозрительно похожий на женщину, я тут же об этом узнаю.

Она вздернула подбородок:

– Зачем мне пытаться ускользнуть от вас? Я хочу вернуться в Париж, и вы мне в этом поможете. До скорого, месье.

Тут из окна второго этажа раздался женский голос:

– Мадам, где вы?

– Прячьтесь! – прошептала она, толкая его в тень.

– Это Клара, да? Горничная, что помогла вам? – Уилл понизил голос, так как на балконе слышались шаги.

– Ах вот вы где, в саду! Принести вам ужин туда?

– Нет, я сама поднимусь.

Она повернулась к Уиллу:

– Как только поймете, что я у себя в комнате, перелезайте через стену и уходите тем же путем, каким пришли. Я сделаю все, как вы скажете. Незачем волновать Клару.

– Не думаете ли вы, что я уже успел взволновать ее?

Ее глаза округлились от беспокойства, но она тут же взяла себя в руки, без сомнения осознав, что, если бы он приставал

к горничной, та пребывала бы в испуге и ярости, не звала бы госпожу к ужину. Уилл подумал о том, что стоит проследить за горничной до ее дома. В таком случае, возможно, удастся вытянуть из нее дополнительные сведения о мадам Лефевр.

Словно снова прочтя его мысли, мадам яростно прошипела:

– Если вы обидите Клару, я убью вас.

Уилла позабавило ее мужество. Хрупкая женщина весом не больше ребенка без сил и оружия осмелилась угрожать ему. Он ухмыльнулся:

– Что ж, попробуйте.

Ее взгляд сделался жестким.

– Вы даже не представляете, на что я способна, месье.

Повернувшись к нему спиной, она зашагала к дому, распространяя в воздухе едва уловимый аромат лаванды.

Глава 4

Элоди поспешно поднялась по ступеням в свою комнату. Сердце билось так сильно, будто она пробежала милою по извилистым венским улочкам. Клара, поставившая корзину на столик, рассматривала вышивку.

– Ах, мадам, это прекрасно! Цвет такой милый, и птичка совсем как живая. Того и гляди, вспорхнет прямо с платья. – Подняв глаза, одобрительно кивнула. – На ваши щеки наконец-то вернулся румянец. Прогулка явно пошла вам на пользу. Нужно чаще бывать на свежем воздухе.

Элоди умолчала, что ее щеки покраснелись вовсе не из-за прогулки по саду, а из-за властного и очень опасного мужчины.

Его прикосновение едва не воспламенило ее. Много лет минуло с тех пор, как она в последний раз испытывала подобный физический отклик. Это ощущение воскресило воспоминания о первых годах брака с мужем, ныне покойным, от одного взгляда которого в теле разгорался пожар.

Она отогнала прочь эти мысли, зная, что им на смену придет печаль. Из-за подобной реакции путешествовать в обществе Уилла Рэнсли опаснее, чем она предполагала сначала. Но об этом она побеспокоится потом, сейчас есть дела и поважнее.

– Я принесла вам отличный ужин. – Горничная поспеш-

но расставляла на столе тарелки, раскладывала серебряные приборы и зажигала свечи. – Фрау Лювенс приготовила пирог с мясом и яблочный штрудель. Вы ведь не откажетесь отведать, правда?

Впервые за долгое время мысль о еде не вызвала у Элоди отвращения, чему она очень удивилась. Осознание того, что она наконец-то перестанет ждать и отправится в Париж, оказало чудесное воздействие на давно пропавший аппетит.

– Все выглядит таким вкусным, тебе даже не придется меня уговаривать. Ты ведь присоединишься ко мне, правда? Заодно и свежие новости расскажешь.

Слушая подробный рассказ Клары о событиях дня и работе в Гранд-отеле, куда та устроилась, когда Элоди достаточно поправилась, и за ней больше не нужно было ухаживать, она украдкой посмотрела в окно. Хотя отсюда не было видно большей части дорожки, тайно окинув взглядом сад, она заключила, что месье Рэнсли ушел.

Клара уже сняла крышки с блюд и позвала ее к столу:

– Идите скорее есть, пока мясной пирог не остыл. Грубер дал мне больше хлеба из кухни отеля. Как же я рада, что к вам вернулся аппетит! И как раз вовремя, теперь мы чаще сможем позволять себе есть мясо. Мадам Лебрюж уж так расхваливала вашу последнюю вышивку, и я сказала, что со следующего заказа плата поднимется на десять шиллингов. Она даже возражать не стала! Надо было увеличивать на двадцать.

Элоди села за стол и, дождавшись, когда горничная при-
мется за мясной пирог, сообщила:

– Я не возьму нового заказа. Я уезжаю из Вены.

Клара перестала жевать и, подняв на хозяйку глаза, стала
стирать салфеткой пряный соус с подбородка.

– Уезжаете? Но как? Вы же говорили, пройдут долгие ме-
сяцы, прежде чем вы накопите достаточно денег.

– У меня поменялись планы.

Избегая упоминаний об угрозах и странном влечении
между ней и Уиллом Рэнсли, Элоди рассказала Кларе о его
визите и предложении сопроводить ее в Париж.

Ей следовало бы догадаться, что у горничной возникнут
подозрения на этот счет.

– Как вы можете доверять этому человеку, мадам? Откуда
вам знать, что он кузен месье Макса Рэнсли?

– Между ними поразительное сходство.

– Но зачем бы ему понадобилось оказывать вам такую
услугу?

– Потому что я тоже помогу ему. Я пообещала отправиться
с ним в Англию и рассказать о том, как вовлекла его ку-
зена в заговор Сен-Арно.

– Gott im Himmel³, мадам! Разве это разумно? Разве без-
опасно?

Хотя Элоди была почти уверена, что Рэнсли ушел, из
предосторожности все же придвинулась ближе к Кларе и, по-

³ Ради всего святого! (нем.)

низив голос до шепота, призналась:

– На самом деле я вовсе не собираюсь ехать в Лондон. Оказавшись в Париже, я просто улизну от него.

Клара даже в ладоши захлопала:

– О да! Я уверена, вам это удастся теперь, когда силы вернулись к вам. Но разве не следует и мне отправиться с вами в Париж? Мне становится не по себе при мысли о том, что вы будете наедине с этим мужчиной, о котором нам почти ничего не известно.

– Благодарю, дорогая подруга, но тебе лучше остаться здесь. Вена – твой дом. Ты и так сделала для меня много больше, чем я смела надеяться, так много, что мне едва ли удастся расплатиться с тобой.

Горничная лишь рукой махнула:

– Как я могла поступить иначе, ведь вы были так добры ко мне. Взяли меня неопытной девчонкой к себе в услужение, вы, которая вращалась в элитных, аристократических кругах Вены. И нынешней своей должности я не получила бы, если бы не научилась многому, работая у вас.

– Ты отплатила мне многократно.

– В любом случае, миледи, не следует вам ехать без сопровождения.

– Это было бы справедливо, если бы я путешествовала как леди. Но этого не случится, да и поездка далеко не комфортабельная, возможно, даже и небезопасная. Не уверена, что следящие за мной люди обрадуются, узнав, что я покинула

Вену, а ты и без того уже много раз рисковала из-за меня. Нет, я поеду одна.

– Вы в этом уверены? – переспросила горничная, заглядывая ей в лицо.

– Да, – подтвердила Элоди, похлопывая Клару по руке.

Даже если бы она намеревалась путешествовать в качестве богатой дамы, все равно не позволила бы Кларе сопровождать себя. Поспешный отъезд из Вены представлялся лучшим способом обеспечить безопасность женщины, которая выхаживала ее, больную и всеми заброшенную.

– Так что больше никакой вышивки, – подытожила она. – Нельзя сказать, что я совсем на мели.

Она подошла к платяному шкафу и извлекла оттуда два тюка, аккуратно завернутые в отрезы муслина. Протягивая их Кларе, пояснила:

– В первом бальное платье, надеть которое мне так и не довелось. За него можно выручить хорошие деньги. А во втором мое самое лучшее вечернее платье. Я обновила на нем вышивки и поменяла оборки, так что мадам Лебрюж сможет без труда перепродать его.

– Разве вам самой не нужны деньги, мадам? В дороге пригодились бы. Я могу завтра отнести ей эти платья. Она так довольна вышивками, наверняка удастся выжать из нее хорошую сумму.

– Выжимай, сколько угодно, но оставь эти деньги себе. Это сущие пустяки по сравнению с тем, сколько я тебе на

самом деле должна. У меня есть и еще кое-что.

Подняв край рабочего фартука, Элоди распорол шов и извлекла оттуда пару сережек с бриллиантами, заблестевшими в свете свечей.

– Возьми и это тоже. Продай, если хочешь, или сохрани в память о нашей дружбе.

– Мадам, вы не должны! Они слишком хороши для меня! Кроме того, вы сами сможете продать их, когда окажетесь в Париже.

– У меня еще кое-что осталось. – Элоди улыбнулась. – Сен-Арно, конечно, доброго слова не заслуживает, но он никогда не скупился на одежду и украшения для меня. Не представляю, как бы мы пережили этот год без тех драгоценностей и нарядов, что нам пришлось продать.

Горничная по-немецки разразилась проклятиями в адрес Сен-Арно.

– Если бы он не покинул Вену в такой спешке, стремясь спасти собственную шкуру, то, вероятно, все отобрал бы у вас.

Элоди лишь плечами пожала:

– Я рада, что они у меня остались, какова бы ни была причина. Я расскажу тебе, как будет выглядеть мой отъезд.

Полчаса спустя, получив все необходимые сведения о том, кого она должна встретить, где и когда, Клара обняла хозяйку и ушла. Когда звук ее шагов затих в отдалении, в комна-

тах воцарилась зловещая тишина.

Хотя Элоди вовсе не нужно было больше работать, повинаясь силе привычки, она взяла одно из принесенных Кларой платьев, то, что лежало в корзине сверху, и достала шелковые нитки.

Продавая драгоценности и наряды, она сумела продержаться полгода. Потом мадам Лебрюж, довольная ее элегантной и искусной работой, прислала ей несколько платьев, которые нужно было украсить вышивкой.

Позволив пальцам выполнять привычную работу, Элоди всерьез призадумалась о том, что произошло за последние несколько часов. Подозрения Клары вовсе не беспочвенны. В самом деле, разве можно знать наверняка, отвезет ее Уилл Рэнсли в Париж или прикончит в каком-нибудь укромном уголке?

Хотя если бы он хотел от нее избавиться, уже сделал бы это. Кроме того, от Элоди не укрылось сверкающее в его глазах рвение, когда он говорил об исправлении зла, причиненного его кузену. Нет, он действительно намерен доставить ее в Лондон. Неужели он поверил, что она отправится с ним туда, если прежде они заедут в Париж.

Элоди улыбнулась. Он сразу заподозрил, что она намерена сбежать от него. Не стоило недооценивать находчивость Уилла Рэнсли из-за того лишь, что он кузен Макса и племянник графа. Едва ли можно ожидать, что на узких парижских улочках он окажется совершенно беспомощным. Ведь

выследил же он ее в Вене, скорее всего, без содействия властей. Его не ужаснуло предложение о маскировке, он лишь обеспокоился тем, что она не сможет убедительно сыграть роль. И предложил еще более изощренный план, из чего следовало, что в искусстве переодевания он не уступает ей.

Возможно, Уилл, как и Макс, служит в министерстве иностранных дел, исполняя тайную миссию. Или он мошенник, окутанный аурой непредсказуемости и опасности.

Он сообщил, что рожден вне брака. Значит, рос он вовсе не в довольстве, живя в одном из поместий графа, был вынужден сам пробивать себе дорогу в жизни и много переезжать, как и она. В таком случае понятно, откуда у него навыки проникновения в чужое жильё.

Элоди вдруг подумала, что у них много общего, и отогнала эту нелепую мысль. Она сильно сомневалась, чтобы его жизнь когда-либо целиком зависела от того, насколько хорошо он замаскировался. Также не следовало забывать, что разыскал он ее, руководствуясь единственной целью и нисколько не заботясь о ее благополучии. В зависимости от того, насколько хорошо пойдут дела в Париже, она, возможно, даже поедет с ним в Лондон, как и обещала.

Многое бы она отдала, чтобы минимизировать ущерб, нанесенный Максу Рэнсли. Изучив биографии всех помощников герцога Веллингтона, Сен-Арно сделал ставку на тщательно задокументированное стремление Макса вести себя галантно в отношении женщин, справедливо рассудив, что

именно это поможет ему претворить в жизнь свой замысел. Он велел втереться в доверие к Максу, вызвать сочувствие к себе и одновременно отслеживать его передвижения, чтобы со временем использовать как приманку.

Элоди надлежало соблазнить Макса при необходимости, однако этого не случилось. Не то чтобы она сочла его непривлекательным, просто, узнав о наличии у него любовницы из числа наиболее элегантных венских куртизанок, решила, что едва ли он прельстится высокой темноволосой женщиной с непримечательной внешностью.

Изначально Макс лишь говорил ей любезности, как любой другой дипломат на его месте, до тех пор, пока однажды не заметил у нее на лице и плече синяки, догадавшись, что Сен-Арно ее бьет. Элоди, разумеется, ничего ему не рассказала, но отношение к ней Макса с того момента разительно изменилось, он стал ревностно ее оберегать. Она подумала о горькой ироничности ситуации, ведь сблизились они именно благодаря несдержанному темпераменту Сен-Арно и его мстительности, а вовсе не из-за ее шарма.

Она готова была биться об заклад, что, если бы кузену не представился случай воплотить в жизнь свой замысел, Макс придумал бы какой-нибудь благородный способ избавиться от этого человека. Но случай представился. У Элоди не было иного выбора, кроме как делать то, что ей велели, хотя она до сих пор вспоминала об этом с болью.

Поначалу вечер, когда было совершено покушение, ничем

не отличался от любого другого в Конгрессе, пока Макс не обронил вскользь, что может опоздать на бал к австрийскому послу, где намеревался провести небольшое совещание наедине с герцогом, а уж потом сопроводить его на бал. Элоди тут же вызнала, в какой комнате будет встреча, перехватила его в коридоре, когда он туда направлялся, отвлекла, умоляя подействовать в решении вымышленного вопроса, неисполнение которого грозило навлечь на нее гнев кузена. Хотя Макс искренне беспокоился о ее благополучии, он стремился поскорее встретиться с генералом, известным взрывным нравом и резким неприятием тех, кто опаздывает. Элоди сумела задержать его лишь на несколько минут. Но этого оказалось достаточно. Подосланный Сен-Арно убийца застал Веллингтона одного и безоружного, и лишь выработанное в бою шестое чувство подсказало уклониться за секунду до того, как в комнату ворвался вооруженный незнакомец и прогремел выстрел. Трагедия была предотвращена. По крайней мере, для герцога. Убийцу тут же схватили, на допросе он почти сразу раскрыл причастность к заговору Сен-Арно, а значит, и Элоди. Страшась самого худшего, кузен бросил ее и скрылся. Впоследствии она была не в том состоянии, чтобы справляться о дальнейшей судьбе Макса. Предположила, что он с позором отправлен в Англию.

Милый отважный Макс. Возможно, самый добрый человек из всех, кого она знала. Воскресив в памяти его лицо, она вздохнула. Странно, однако, что к такому, несомненно,

привлекательному мужчине она не испытывала столь мощной волны желания, как к его кузену Уиллу.

Притяжение было сильно, на несколько мгновений она даже забыла о его проникновении. Даже угрозы не сумели притупить это чувство.

Свободно сидящие бриджи Уилла не скрыли от нее того обстоятельства, что ее страсть взаимна. Стоило лишь подумать о его затвердевшем мужском достоинстве, как ее снова затопила волна жара.

Она осознавала, что подобная реакция может сослужить добрую службу впоследствии, когда придется от него бежать. Мужчина, которого хорошо удовлетворили в постели, станет ленивым и лишится бдительности. В том, что удовлетворить Уилла Рэнсли будет совсем нетрудно, Элоди не сомневалась.

Другое дело – скрыться от него в Париже. Это задача посложнее.

Глава 5

Спрятав под шапку золотые локоны, которые мадам Лефевр сочла такими заметными, Уилл притаился на углу улицы и, скрываясь в тени балкона, принялся следить за соглядатаями в противоположном конце аллеи. Потом, наскоро поужинав, вернулся на свой наблюдательный пункт, где провел всю ночь, примечая, сколько людей держат под присмотром дом мадам и в какое время сменяются. Хотя он и согласился с ее предложением бежать днем, все же счел необходимым подсчитать, сколько человек могут броситься за ними в погоню, когда узнают об исчезновении.

Подумав о ее неожиданном таланте плести интриги, Уилл снова покачал головой.

Перед ужином он решил расспросить Клару. Хотя горничная, всеми силами защищавшая хозяйку, наверняка откажется отвечать на вопросы, стоило попытаться вытянуть из девчонки информацию, способную пролить свет на загадочную личность мадам Лефевр. До сих пор эта женщина вела себя совсем не так, как ожидалось от французской аристократки. То, как быстро она предложила бежать, переодевшись в мужской костюм, наводило на мысль, что она уже поступала так раньше.

«Франция ведет войну дольше, чем мы с вами живем на свете». Неужели ее семья тоже попала в кровавую бойню,

приведшую к падению монархии и становлению сначала республики, потом империи и снова монархии? Похоже на то.

Он пожалел о том, что не задержался в Лондоне на какое-то время и не узнал поподробнее о семье Сен-Арно. Тьерри Сен-Арно работал у герцога Талейрана, который, обладая удивительной способностью к выживанию, служил министром иностранных дел Франции во времена республики, консульства, империи и теперь реставрации. На Венском конгрессе герцогу удалось даже убедить Британию и Австрию, что Франция, страна, с которой они уже более двадцати лет ведут войну, намерена выступить их союзником в борьбе с Россией и Пруссией. К каким же ухищрениям прибегали представители клана Сен-Арно, чтобы сохранить свои земли и титулы во время кровопролитной революции и империи? Весьма вероятно, детство мадам прошло вовсе не в сельском поместье, а ее семье, подобно многим другим аристократам, пришлось спастись от гильотины. Возможно, они даже бежали в Англию, так как британская корона поддерживала большую общину *émigré*⁴. Неудивительно, что она прекрасно и почти без акцента говорит по-английски. Или ее изобретательность – следствие того, что она тоже агент Талейрана? От этой неприятной мысли у Уилла все перевернулось внутри. Он знал, Талейран – человек весьма требовательный и не позволил бы мадам Лефевр, будь она его агентом, больше года бродить неприкаянной. Ее давно

⁴ Эмигрантов (*фр.*).

бы убили или выкрали. Уилл решил, что в ее обществе будет нелишним вести себя так, будто он признает наличие у нее профессиональных навыков. Он улыбнулся. От этого поединок разумов станет еще более захватывающим. А если появится возможность соединиться телами, то и стократ приятнее. Однако довольно! Не стоит позволять похоти и любопытству отвлекать от цели и забывать о бдительности. Он был уверен, что мадам попытается сбежать во время путешествия, и намеревался во что бы то ни стало помешать. Едва он пришел к такому заключению, как из дома вышла Клара. Стараясь держаться в тени зданий, Уилл последовал за ней.

С наступлением вечера людей на улице стало меньше, и он не смог бы долго оставаться незамеченным, но ему помог случай – она направлялась на соседний рынок. Он наблюдал, как она покупает хлеб, сыр и яблоки по сниженным ценам, потому что торговцам не терпелось поскорее закрыться на ночь. Осторожно следуя за ней, Уилл подумал, что жители Вены – люди зажиточные. А еще весьма небрежно относятся к сохранности собственных кошельков. Если бы он захотел, мог бы наворовать их с полдюжины. Не в силах побороть искушения и желая убедиться в том, что не лишился навыков, Уилл стянул у Клары кошелек с монетами в тот момент, когда она задержалась у последнего прилавка, прощаясь с торговцем и поправляя покупки в корзине. Он рассудил, что это станет отличным предлогом завязать знакомство.

Следуя за девушкой, он оказался на заброшенной улоч-

ке, нависающие вторые этажи зданий которой образовывали затененную аллею. Прибавив шаг, он обогнал ее, резко развернулся, оттеснив к стене дома. Отвесив низкий поклон, вынул кошелек:

– Прошу прощения, мисс, мне кажется, вы обронили это.

Ахнув, Клара отпрянула, но тут же остановилась:

– Почему... это мой кошелек! Я была уверена, что положила его в ридикюль! Как мне отблагодарить вас, господин... – Она запоздало подняла на него глаза. – Вы!

Уилл снова поклонился:

– Уилл Рэнсли, к вашим услугам, мисс.

Тревога на ее лице боролась со злостью.

– Мне следовало бы обратиться к властям, чтобы вас арестовали за воровство!

Он вскинул бровь:

– Как бы вы это сделали? Я ведь вернул кошелек. Если бы власти Вены арестовывали каждого парня, следующего за красивой девушкой, тюрьмы очень скоро оказались бы переполненными до краев. Я не причиню вам вреда.

Она фыркнула:

– А вы, как я погляжу, не отрицаете, что украли его. Подозреваю, с той же легкостью могли бы ударить меня по голове. Ладно, не стану поднимать шум пока. Чего вы хотите?

– Я намерен помочь вашей хозяйке покинуть город.

Она окинула его настороженным взглядом:

– Я говорила ей, что не следует вам доверять. О, не сомне-

ваюсь, вы ей поможете, но лишь для того, чтобы она сделала то, что нужно вам. Совсем как ее никчемный кузен.

Вспомнив искривленные, распухшие пальцы мадам, Уилл почувствовал укол раздражения. Если он когда-нибудь встретится с Тьерри Сен-Арно, заставит его помериться силами с достойным противником.

– Он запугивал ее, не так ли?

– Мерзавец. – Еорничная сплюнула на мостовую. – Я лишь два раза видела, как он ее бил, но она почти всегда ходила с синяками. Не стану ничего вам рассказывать, не хочу причинять ей еще больше вреда.

– Я очень ценю вашу преданность хозяйке. Но помните: если вы сообщите мне какие-то сведения об отношениях мадам с Сен-Арно или с моим кузеном, это поможет защитить ее во время путешествия. Я смогу лучше справиться с возложенной на меня миссией, если буду заранее предупрежден о грозящей ей опасности. Мне нужно знать, кто за ней следит и с какой целью.

На ее лицо будто тень набежала. Уилл понял: она беспокоится о хозяйке.

– Господин Рэнсли, ваш кузен был очень благородным человеком, – наконец, промолвила она. – Вы обещаете беречь мадам?

– Обещаю. – Уилл с удивлением понял, что говорит искренне.

Клара внимательно смотрела на него, все еще колеблясь.

– Вы ведь тоже не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось, не так ли? – уговаривал он. – Давайте так: я расскажу вам то, что известно мне, а вы подтвердите.

Подумав мгновение, Клара согласно кивнула.

– Вы служите у своей хозяйки больше года. Она наняла вас сразу по прибытии в Вену, то есть в сентябре 1814 года?

Клара снова кивнула.

– В последнюю ночь перед тем, как ее кузен бежал из города, он ее избил.

На глаза девушки навернулись слезы.

– Да.

– Сильно? – не сдавался Уилл, изо всех сил стараясь сдерживать рвущийся наружу гнев. Он был почти уверен в том, что она ему расскажет.

– Когда я ее нашла, она была без сознания. У нее были сломаны ребра, рука неестественно изогнута. Она больше суток не приходила в себя. Целый месяц я опасалась за ее жизнь. Негодяй! – яростно воскликнула Клара. – Он обвинил ее в том, что его дурацкий план провалился. А может, просто выместил на ней свою злобу, он из таких людей.

– Вы забрали ее из отеля и перенесли в комнаты пансионата, где выхаживали, а когда она поправилась, поселили на съемной квартире, – подытожил Уилл все, что ему удалось разузнать.

– К тому времени мадам заявила, что готова работать. Первые месяцы я продавала ее драгоценности, потом ее ру-

ка достаточно исцелилась, и она сумела орудовать пальцами. Тогда-то она и занялась вышиванием.

– А соглядатаи перемещались с места на место следом за вами?

– Скорее всего, да, но я не подозревала об их существовании до тех пор, пока мадам не сказала об этом, когда поправилась. Сначала я очень испугалась, так как не понимала, что им от нее нужно, но спустя несколько месяцев привыкла.

– Эти парни из местных, не так ли?

– Да. Я разговаривала с некоторыми из них в надежде что-нибудь разведать, но они знают лишь то, что их нанял кто-то из местных. Уверена, за всем этим стоит важная фигура, хотя и не могу представить, кто бы это мог быть.

Уилл запомнил ее слова.

– Зачем мадам так настойчиво хочет вернуться в Париж?

– Полагаю, там осталась ее семья. Она никогда не рассказывала о себе, точно так же, как никогда не ставила свои нужды превыше нужд других людей. Ожидая ее у модистки или на балах, я слышала, как другие горничные судачат о своих хозяйках. Мадам, в отличие от них, не была ни требовательной, ни капризной. Она добра, замечает людей и их беды.

Невидящим взором глядя перед собой, Клара улыбнулась.

– Однажды лакей Клаус подхватил такую сильную простуду, что едва мог дышать, бедняга. Мадам лишь прошла вечером мимо него в холле, направляясь к стойке регистрации, а на следующее утро заставила меня набрать лекарственных

трав и приготовить для него отвар. Она вовсе не хотела привлекать к себе внимание или разыгрывать благотельную леди, просто передала отвар дворецкому и просила проследить, чтобы Клаус его обязательно выпил.

– А вы никогда не задумывались, почему мадам не привезла в Вену собственную горничную?

Клара лишь плечами пожала:

– Возможно, та женщина не захотела ехать далеко. А быть может, у мадам не хватило средств взять ее с собой. Не думаю, что у нее водились собственные деньги. Жалованье мне платил Сен-Арно, он же покупал мадам драгоценности и платья, оплачивал счета за хозяйство. Но денег ей вообще не давал. Когда мы ходили с ней гулять, у нее не находилось даже нескольких шиллингов на мороженое.

Итак, мадам целиком зависела от кузена.

– А других родственников она никогда не упоминала?

– Нет. Если они все такие же, как Сен-Арно, в этом нет ничего удивительного. – Горничная, нахмурившись, резко остановилась. – Об одном человеке она все же упоминала, даже несколько раз. Когда я давала ей опий, чтобы притупить боль после побоев Сен-Арно, она шептала имя. Филипп.

Уилла будто со всего маха ударили чем-то острым под дых. Пришлось приложить усилия, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

– И кто же он? Муж, брат, любовник?

– Не муж точно – Сен-Арно говорил, что тот погиб на вой-

не. Однажды я спросила у мадам, кто такой Филипп, но она лишь улыбнулась и ничего не ответила, я не стала настаивать. В ее голосе мне послышалось томление. Возможно, она хотела выйти за него замуж, но кузен не позволил. Я так и вижу, как он отсылает прочь любого, кого сочтет недостойным имени Сен-Арно. Не исключена вероятность, что он пообещал дать согласие на брак, если она поможет ему в Вене. Я знаю, что он был способен заставить ее делать то, что ему нужно.

По какой-то непонятной причине открытие, что мадам Лефевр сохнет по парижскому любовнику, совсем не пришлось Уиллу по душе. Тряхнув головой, отгоняя неприятные мысли, он произнес:

– Зависимости мадам от Сен-Арно в еде, одежде, жилье и положении в обществе было достаточно, чтобы заручиться ее поддержкой.

– Нет, тут что-то еще, – настаивала Клара. – Не то чтобы она не ценила дорогих шелков и изысканных украшений, кто бы на ее месте поступил иначе? Но когда возникла необходимость, она без сожалений все продала. Она, казалось, вполне довольна простым образом жизни и нимало не скучает по высшему обществу, которое прежде принимала у себя в гостях. Мадам все повторяла, что хочет заработать достаточно денег и вернуться в Париж.

Не желая больше слушать домыслы горничной о загадочном Филиппе, Уилл поспешил сменить тему:

– Правильно ли я понял, с ночи покушения мадам не поддерживает контакта с кузеном?

Клара пожала плечами:

– Лучше, чтобы он думал, будто она умерла от полученных побоев. Она была одной ногой в могиле.

– Сен-Арно впоследствии эмигрировал на Карибы.

– Ну, об этом мне ничего не известно. Знаю лишь, он уехал из Вены в ту ночь. Если на свете есть справедливость, кто-нибудь его поймает и сгноит в тюрьме. – Клара подняла на него глаза. – Если Бог не оставит мадам своей милостью, закончив свои дела с ней, вы позволите ей вернуться в Париж к этому Филиппу, кем бы он ни был. После всего пережитого – потеря мужа, издевательства кузена – она заслуживает немного счастья.

Уилл не собирался говорить горничной, что не отправит мадам в Париж к Филиппу до тех пор, пока дело не будет сделано. А также упоминать о том, к какому они пришли соглашению.

Вместо этого он вынул из кармана монету.

– Благодарю вас, Клара. Я очень ценю...

– В этом нет необходимости, – перебила она, отмахиваясь от денег. – Лучше приберегите это для нее. Вы же присмотрите за ней, правда? Я понимаю, если бы кто-то действительно желал ей зла, то мог бы давным-давно прикончить ее, и все же тревожусь. У мадам такая благородная душа, слишком бесхитростная для этого мира, пожалуй.

Уилл припомнил женщину в саду, спокойно собирающую увядшие цветки лаванды и ожидающую, надумает ли незнакомец свернуть ей шею или нет. Он решил, что она скорее покорная, чем благородная и бесхитростная. Будто жизнь обошлась с ней столь сурово, и она принимала зло и несправедливость, считая, что не в силах отгородиться от них.

С первых дней жизни на улице Уилл научился давать отпор нападающим и восстанавливать справедливость. Представив безмятежное лицо мадам Лефевр, склоняющейся над цветами, и занесенную над ней тяжелую руку Сен-Арно, Уилл испытал совершенно нежелательное стремление защищать ее. Он убедил себя, что переживать из-за ее личной трагедии нечего. Верно, ее били, но она сознательно обернула это обстоятельство себе на пользу, убедительно сыграв роль. Настолько убедительно, что сумела обвести вокруг пальца Макса, который поплатился за свое благородство.

Ну а горничная, разумеется, считала хозяйку героиней. Раз уж мадам Лефевр удалось одурачить Макса, человека далеко не глупого, то завоевать доверие простой, почти неграмотной девушки, которая к тому же находилась у нее в услужении, и вовсе не составило труда.

Подавив последние всплески жалости к Элоди, Уилл кивнул Кларе на прощание:

– Встретимся на постоялом дворе через два дня.

Та кивнула.

– А вы уверены, что сумеете убедительно сыграть роль

старика?

– А ваша хозяйка сумеет сыграть свою роль?

– Она сделает все, что потребуется. Уже сделала. Доброй ночи, месье. – Кивнув еще раз, девушка растворилась в сгущающейся темноте.

Уилл же направился на постоянный двор, где собирался раздобыть себе ужин. По дороге он обдумывал сведения, почерпнутые им у Клары.

По ее словам, мадам привезли в Вену без денег и средств к существованию, поэтому она была вынуждена во всем повиноваться Сен-Арно, исполнять его приказы. Богатство и положение в обществе нимало ее не интересовало. Единственным желанием было вернуться в Париж к Филиппу.

«Она сделает все, что потребуется», – сказала горничная. Очевидно, сюда относилось и предательство Макса Рэнсли, и побег от Уилла, чтобы не подтверждать невиновность Макса.

Мадам Лефевр, несомненно, рассчитывает на то, что ей удастся ускользнуть если не по пути в Париж, то уж точно по прибытии туда. Придется сохранять бдительность, чтобы не допустить этого.

Судя по реакции горничной, даже она опасалась, что соглядатаям мадам отъезд из Вены придется не по нраву. Возможно, у этой женщины есть и другие враги помимо него, разгневанного кузена мужчины, чью дипломатическую карьеру она погубила.

Переодевание в мужскую одежду, которое Уилл изначально-

но воспринял едва ли не как шутку, вдруг показалось ему вполне разумной мерой предосторожности. Он представил стройное тело мадам, облаченное в бриджи, плотно охватывающие ноги, обрисовывающие изгибы голеней и бедер, подчеркивающие тонкие лодыжки. Рот тут же заполнился слюной, в паху образовалась твердость. Он не мог позволить себе отвлекаться на сладострастные мысли, пока не мог. Нужно сосредоточиться на том, чтобы благополучно доставить мадам в Париж. До тех пор пока они не окажутся в Лондоне, ему придется следить за тем, чтобы никто другой не причинил ей вреда.

Глава 6

Два дня спустя ближе к вечеру Элоди в стариковской одежде и очках с толстыми стеклами, затрудняющими обзор, тяжело опираясь на трость, в сопровождении Клары вошла в пивную постоялого двора, расположенного на западной окраине Вены. Хозяин поспешил к ним, и в этот момент появился Уилл Рэнсли.

– Дядя Фриц, как же я рад, что вы смогли ко мне присоединиться! Надеюсь, поездка из Линца не слишком вас утомила?

Голосом настолько низким, насколько могла, Элоди ответила:

– Терпимо, мой мальчик.

– Хорошо. Господин Шульц, – обратился он к хозяину постоялого двора, – принесите нам в комнату чего-нибудь освежающего, пожалуйста. Жозефина, давай поможем дяде подняться.

Поддерживаемая под руки Кларой и Уиллом, Элоди медленно заковыляла вверх по лестнице. Вздохнула с облегчением, когда оказалась в гостиной, арендованной Рэнсли, за плотно закрытой дверью. Первый этап прошел именно так, как было задумано. Ее охватили восторг и ликование.

Опустившись в кресло и сняв дезориентирующие очки, она подняла голову, увидела, что на лице Уилла сияет теп-

лая, ободряющая улыбка, и очень обрадовалась, хотя внутри все затрепетало. Даже будучи серьезным, Уилл казался привлекательным, но теперь, улыбаясь, сделался и вовсе неотразимым. Ну какая женщина смогла бы сопротивляться ему?

– Bravo, мадам. У меня имелись серьезные сомнения на этот счет, но, поспешу отдать вам должное, роль старика вы исполнили очень убедительно.

– Да из вас тоже отличный пожилой господин получился, – сказала она, улыбаясь в ответ. – Не появившись вы вместе с Кларой, я не узнала бы вас. А с какой поразительной скоростью вы нанесли на волосы краску, превратившись в брюнета! Я едва успела переодеться в приготовленную вами одежду. Вижу, теперь вы снова поменяли обличье.

Волосы Уилла по-прежнему были темными, но он сменил одежду скромного труженика, в которой был в тот день, когда проник через балкон, на костюм джентльмена, отлично скроенный и из хорошей ткани, однако не настолько модный и элегантный, чтобы привлекать ненужное внимание.

Плотно прилегающий пиджак подчеркивал его широкие плечи, а тесные панталоны – мускулистые ноги. Если даже в скучной одежде клерка он казался Элоди сильным, опасным и мужественным, то теперь за счет соответствующего наряда эффект многократно усилился. Его кричаще-мужественная привлекательность застала Элоди врасплох, усилив нервозность и пробудив желание. Стало интересно, что бы она почувствовала, проведя пальцами по его мускулистым рукам и

ногам, плоскому животу и... ниже. Ее губы исследовали бы его рот, щеки и брови над пронзительными бирюзовыми глазами. Осознав, что слишком откровенно смотрит на Уилла, она быстро потупилась, а он заметил ее интерес. Довольно сверкая глазами, он произнес:

– Надеюсь, вам нравится мой новый облик.

– Вы прекрасно выглядите, сэр, и вам это отлично известно! – саркастически воскликнула Клара. – Ах, госпожа, какой же из вас получился восхитительный старый джентльмен! Думаю, сама фрау Гройнер, встретить она нам на лестнице, не заподозрила бы обмана.

– Хорошо, что мы с ней все же не встретились. Я ведь не миссис Сиддонс, – ответила Элоди, потягиваясь и разминая спину, затекшую от необходимости горбиться во время долгого перехода.

– А что вам известно о миссис Сиддонс? – тут же спросил Уилл, бросая на нее подозрительный взгляд.

Мысленно проклиная собственную болтливость, Элоди пояснила:

– Только то, что слышала от англичан во время Венского конгресса. Они превозносили ее игру, уверяя, что ни одна венская актриса ей и в подметки не годится. Ваше умение маскироваться натолкнуло меня на мысль, что вы сами могли бы участвовать в театральных постановках. Как бы иначе вам пришла в голову эта идея с усами? – Отступив от Уилла, Элоди провела рукой у себя над верхней губой. – Они

нещадно чесались, заставляя меня беспрестанно чихать. Я опасалась, как бы они не отвалились совсем.

– Прошу прощения за этот просчет, – сардонически отозвался он. – Впредь буду умнее.

– Посмотрим, что еще вы придумаете, – поспешно произнесла она, радуясь, что сумела отвлечь его внимание от дальнейших расспросов по поводу ее знакомства с английским театральным искусством.

– Неудивительно, что у вас спина устала, – сказала Клара. – Мне этот район Вены незнаком, а вы почти ничего не видели за толстыми линзами. Путь сюда, казалось, занял целую вечность. Раз или два я с ужасом думала о том, что мы заблудились.

– Вот этого опасаться не следовало. Я шел за вами по пятам и сразу же помог бы выбрать нужное направление, – заверил Рэнсли. – А также хотел убедиться, что за вами никто не следит.

Получив очередное подтверждение его обстоятельности, Элоди тем не менее уточнила:

– Никто ведь не следил, правда?

– Нет. Вы придумали отличный план.

Заслышав подобное заявление из его уст, Элоди тут же ощутила, как по телу разливается тепло, и выбрала себя за это. Она ведь не мечтательная девчонка, едва не падающая в обморок от похвалы джентльмена. Не стоит забывать, зачем он организовал ее побег, не о ее благополучии печется. И все

равно она до сих пор ощущала тепло.

Раздался стук в дверь. Элоди поспешно отвернула безусое лицо, дожидаясь, пока слуга, принесший напитки, поставит поднос на столик и, поклонившись, покинет комнату.

– Не поужинать ли нам? – предложил Рэнсли. – Этот постоянный двор славится хорошей едой.

Элоди недоверчиво покачала головой:

– Как вам удалось узнать подобные вещи?

Он одарил ее загадочной улыбкой:

– Я наделен многочисленными талантами.

– Кто бы сомневался.

Элоди очень не хотелось хвалить его за скрупулезное внимание к деталям, но справедливость одержала победу.

– Фрейлейн, не хотите ли отужинать с нами перед уходом?

Клара согласно кивнула, и они расселись вокруг стола. Элоди было очень интересно, о чем Рэнсли станет говорить за едой, если вообще снизойдет до этого, ведь раньше их общение сводилось к угрозам убить ее и обсуждению планов побега из Вены. К ее вящему удивлению, он с легкостью поддерживал разговор, обсуждая достопримечательности австрийской столицы и расспрашивая Клару, каких важных господ ей удалось повстречать во время Конгресса. Да уж, Уилл Рэнсли действительно наделен многими талантами. С горничной он болтал с той же легкостью, с какой развлекал бы титулованную леди в гостиной своего дяди, графа. Если он вообще часто бывает в этой самой гостиной.

Он признался, что является внебрачным ребенком, но говорит и ведет себя, как представитель знати. Элоди стало интересно, в какой обстановке он чувствует себя вольготнее всего. Что ему больше по душе – блуждать по задворкам крупного города, заводя разговоры с горничными и хозяйками постоянных дворов, или танцевать на балу в окружении богатых и власть имущих? Или и то и другое?

Уилл Рэнсли для нее загадка, это беспокоит, поскольку придется вверить свою безопасность в его руки, по крайней мере до тех пор, пока они не окажутся в Париже.

Поев, Клара встала из-за стола:

– Пора домой отправляться. Скоро совсем стемнеет, а эти улицы мне незнакомы.

– Я вас провожу, – тут же предложил Рэнсли.

– Не хочу причинять вам неудобство, – запротестовала Клара.

– Разумеется, проводит, – вмешалась Элоди, обрадованная этим предложением. – Я хочу, чтобы он проследовал до самого твоего дома и убедился, что там тебя не поджидают непрошенные гости. – Она высказала вслух опасения, терзающие ее с тех пор, как успешно покинула свое жилище.

– Ваша хозяйка права. Сильно сомневаюсь, что ее побег заметили, но предосторожность не помешает, – согласился Рэнсли. – Когда соглядатаи мадам Лефевр, кем бы они ни являлись, поймут, что птичка упорхнула из клетки, вероят-

но, напрямиком направятся к вам.

Элоди забеспокоилась. Думая лишь о представившейся ей восхитительной возможности вернуться в Париж, она забыла о горничной. Повернувшись к Рэнсли, она встревоженно произнесла:

– А не взять ли нам и Клару с собой? Для ее же безопасности?

– Не думаю, что ей нужно уезжать, хотя, возможно, к ней пристанут с расспросами. Если нам повезет, мы в это время уже будем далеко отсюда. Тогда она сможет честно признаться, что некто по имени Уилл Рэнсли заставил вас отправиться с ним в Лондон, для чего встретился с вами на этом постоялом дворе. Но как именно вы ушли, с кем и в каком направлении, она не знает. В конце концов, этим людям нужны вы, а не ваша горничная.

– Вы уверены? Я-то полагала, что, уехав, заберу с собой и потенциальную угрозу, так что Клара будет в полной безопасности. Что, если я ошибалась? – Все еще пребывая в тревоге, Элоди повернулась к Кларе: – Если кто-то причинит тебе зло...

– Не беспокойтесь, мадам, – перебил Рэнсли. – Я уже нанял человека присматривать за фрейлейн до тех пор, пока он не сочтет, что ее жизни ничто не угрожает. Это крепкий парень, бывший австрийский солдат, с которым я водил знакомство во время службы в армии. Он ждет внизу, чтобы проводить ее домой.

– Благодарю вас, сэр. – Клара присела в реверансе. Это был первый знак уважения, который она ему выказала. – Не ожидала ничего подобного, хотя, не буду отрицать, теперь мне стало намного спокойнее.

Элоди, удивленная, растроганная, пребывая в смятенных чувствах, сама чуть было не сделала реверанс. Это ей следовало бы позаботиться о безопасности Клары, но вместо нее это сделал мужчина, беспокоящийся, по ее мнению, лишь о достижении собственных целей. Ему хватило предусмотрительности и сострадания все устроить. Как показывал ее личный опыт, аристократы вроде Сен-Арно рассматривали прислугу в качестве объекта, специально созданного для их удобства, наравне с лошадьми, льняным бельем или предметами мебели. Он даже не посчитал бы Клару за человека, не говоря уж о том, чтобы тревожиться о ее благополучии.

Рэнсли же не только сумел предвидеть грозящую девушке потенциальную опасность, но и договорился о ее охране после их отбытия, когда ее миссия уже будет исполнена.

Помимо воли ее мнение о Рэнсли улучшилось, но она тут же напомнила себе о том, что не стоит позволять вводить себя в заблуждение его скрупулезностью, осведомленностью и состраданием – качествами, которые привлекали ее столь же сильно, как и его физическая красота. До Парижа еще далеко.

Видя, как Клара заворачивается в плащ, Элоди тут же снова пала духом, подумав о том, что предстоит навсегда рас-

статься с единственной лучшей подругой.

– Давайте попрощаемся, мадам, – сказала Клара, отважно улыбаясь. – Желаю вам безопасного путешествия и радости, когда вы, наконец, окажетесь в Париже.

Не в силах вымолвить ни слова, Элоди крепко обняла ее. Клара с жаром ответила на объятия, изо всех сил стараясь сдержать слезы.

– Постараюсь дать о себе знать, когда устроюсь.

– Хорошо. Мне будет приятно узнать, что вы дома и в безопасности, – добавила Клара, бросая на Рэнсли многозначительный взгляд.

– Ну что же, фрейлейн, идемте? – спросил он.

Улыбнувшись, Клара присела перед Элоди в реверансе:

– До свидания, мадам. Да хранят вас ангелы небесные.

– И тебя, моя дорогая подруга, – ответила Элоди.

– После вас, фрейлейн, – галантно предложил Рэнсли, когда оба замерли в нерешительности. – Ваш солдат ожидает внизу.

Согласно кивнув, Клара сделала шаг к двери, остановилась и внимательно посмотрела на него:

– Возможно, я заблуждалась. Возможно, мадам все же может вам доверять.

Сколько бы Элоди ни повторяла себе, что давно пора привыкнуть к расставаниям и потерям, она ощутила мучительную боль в груди, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Когда они затихли, подбежала к окну. Осторожно глядя в ще-

лочку между занавесками, чтобы не быть замеченной с улицы, увидела, как с постоянного двора вышли трое – Клара, Рэнсли и дородный мужчина, похожий на кулачного бойца. Наблюдая за их удаляющимися спинами, Элоди вдруг осознала, что Рэнсли,двигающийся с текучей грацией крадущегося хищника, куда более опасен, чем его приятель.

Когда Клара растворилась в темноте, Элоди совсем пала духом. Больше года эта девушка была ее подругой, компаньонкой и спасительницей. Теперь предстоит остаться наедине с Рэнсли. На благо или на беду. Она пыталась бодриться, уверяла себя, что раз сумела добраться сюда, то сможет преодолеть и остаток пути, в конце которого ее ожидает Филипп. Утешившись этой мыслью, она села в кресло и стала ждать возвращения Рэнсли.

Глава 7

Проводив горничную до дома, где, к счастью, ее никто не поджидал, оставив Генриха на страже, Уилл направился обратно на постоялый двор. Перед тем как войти, поднял голову и посмотрел на окна их комнаты, расположенной прямо над выходом. Они были темны.

С хозяином он уже расплатился, объяснив, что планируется ранний отъезд. В действительности он намеревался покинуть Вену глубокой ночью. Рассудив, что мадам уже легла спать, он старался не производить лишнего шума, чтобы дать ей возможность как следует отдохнуть перед тяжелым путешествием.

Осторожно, чтобы не привлечь внимания хозяина, обслуживающего посетителей в пивной, Уилл пересек холл и стал подниматься по ступеням. Войдя в комнату, заметил у дальней стены неясную фигуру и тут же схватился за нож, но осознал, что это мадам Лефевр.

– Я думал, вы уже легли отдыхать, – произнес он, беззвучно закрывая за собой дверь.

– Я не смогла бы заснуть, не узнав прежде наши планы. А еще хотела поблагодарить вас за то, что позаботились о безопасности Клары. Очень великодушный жест с вашей стороны и очень неожиданный. Я так вам признательна.

– Я не хотел, чтобы она пала невинной жертвой происхо-

дящего.

Мысленно отметил, что, если бы жертвой стала сама мадам, он бы ничуть не сожалел. Если ей и суждено испугаться, то лишь услышав обвинение в совершенных преступлениях; пусть наказание определит закон. Подойдя к окну, Уилл убедился, что занавески плотно задернуты. Он зажег тоненькую свечу.

– Думаю, одну мы можем себе позволить, – сказал он.

В разгорающемся пламени он рассмотрел Элоди Лефевр, все еще в мужской одежде, сидящую в углу у окна рядом с ближайшим выходом. Он выбрал бы это место, ожидая возможного нападения.

Мадам Лефевр прервала его размышления:

– Итак, каковы ваши планы на завтра?

– Вообще-то на сегодняшнюю ночь. Как только постояльцы лягут спать и на улицах все стихнет, мы выскользнем во внутренний двор через дверь на кухне. Охраны там нет, я проверял прошлой ночью. Мы покинем город и двинемся по дороге в Линц еще до рассвета.

Она кивнула:

– Чем быстрее тронемся в путь, тем быстрее достигнем конечной цели.

– Когда Веллингтон ехал из Парижа в Вену на Конгресс, дорога заняла у него всего десять дней, притом что спал он всего по четыре часа в сутки. Я, конечно, медлить не намерен, однако рассчитываю на более продолжительное время.

– Я готова ехать так быстро, как только пожелаете. Опи-
раться на трость мне, конечно, понравилось, но смена костю-
ма не помешает.

Уилл был уверен, что Элоди уже не впервые ускользает от
преследования. Пришлось ли ее семье бежать из Франции
во время революции? В те страшные времена она, должно
быть, была совсем крошкой.

Решив пока ни о чем ее не расспрашивать, он произнес:

– Каковы ваши соображения?

– Если кто-то станет расспрашивать хозяина постоянного
двора, то будет искать молодого джентльмена в сопровожде-
нии старика. Когда же преследователи поймут, что эта улов-
ка уже устарела, скорее всего, примутся разыскивать мужчи-
ну и женщину, выдающих себя за супругов, или любовников,
или брата и сестру, или кузенов. Какое бы объяснение мы ни
придумали, если я буду путешествовать в женском обличье
в сопровождении мужчины, без компаньонки мы все равно
привлечем внимание. Вероятность того, что хозяева постоя-
лых дворов, мальчишки на конюшне, девушки за стойкой в
тавернах и в почтовых гостиницах запомнят нас, значитель-
но возрастет.

– С чего вы взяли, что мы станем останавливаться в та-
вернах или почтовых гостиницах? – поддразнил Уилл, чтобы
скрыть удивление. Он не ожидал, что мадам столь хорошо
осведомлена о реалиях путешествия. Неужели она большую
часть жизни провела в бегах?

Проиигнорировав его замечание, она продолжила:

– Мы могли бы притвориться пожилой дамой и ее горничной, хотя не принято, чтобы женщины путешествовали без сопровождения мужчины. Я уж не говорю о вашей неспособности продолжительное время убедительно исполнять эту роль. Так что остается одно: вы продолжите путь в образе молодого джентльмена, а я буду изображать вашего слугу. Мужчины постоянно ездят по почтовым дорогам, и вы станете всего лишь одним из многих, а на слуг и вовсе никто никогда не обращает внимания.

Придуманый Элоди план побега из ее съемных комнат был хорош, но этот оказался еще лучше. Пытаясь подавить непрощеное чувство восхищения, Уилл спросил:

– Считаете, роль слуги вам удастся лучше, чем мне – пожилой дамы?

Она кивнула:

– Я сыграю ее с легкостью. Как я уже сказала, путешественная женщина любого возраста станет объектом всеобщего любопытства, а вот мальчик-слуга подобен невидимке. Вне зависимости от того, будем ли мы ночевать на постоялом дворе, или под деревом, или у забора, – добавила она, косо улыбнувшись. – Ну а если потребуется уходить быстро, многочисленые юбки будут лишь мешать.

Уилл и помыслить не мог, чтобы какая-то из знакомых ему дам-аристократок – матушка Алистера или его сестры, например, – сумели бы придумать и изложить прямолинейно

и неэмоционально столь неординарный план.

– Сдается мне, вы уже делали это прежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.